

Марианна
Гончарова

Тупо В синем и в кедах

Лауреат
«Русской премии» (2013)
Лауреат премии
имени Исаака Бабеля (2017)

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Марианна Борисовна Гончарова

Тупо в синем и в кедах

Серия «Интересное время»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42109410

Марианна Гончарова. Тупо в синем и в кедах : повесть, рассказы:

Время; Москва; 2019

ISBN 978-5-9691-1858-4

Аннотация

Многие из тех, кому повезло раньше вас прочесть эту удивительную повесть Марианны Гончаровой о Лизе Бернадской, говорят, что не раз всплакнули над ней. Но это не были слезы жалости, хотя жизнь к Лизе и в самом деле не всегда справедлива. Скорее всего, это те очистительные слезы, которые случаются от счастья взаимопонимания, сочувствия, нежности, любви. В душе Лизы такая теплая магия, такая истинная открытость и дружелюбие, что за время своей борьбы с недугом она меняет жизнь всех, кто ее окружает. Есть в повести, конечно, и первая любовь, и ревность, и зависть подруг, и интриги, и вдруг вспыхивающее в юных душах счастливейшее чувство свободы.

Но не только слезы, а еще и неудержимый смех вызывает у читателей проза Гончаровой. Чуть ли не каждый рассказ из второй части этого сборника вам захочется прочитать близким вслух. И вы сделаете это – сами при этом хохоча, захлебываясь словами, отчего-то становясь счастливее...

Содержание

Андрей Дмитриев	5
Тупо в синем и в кедах	13
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марианна Гончарова

Тупо в синем и в кедах

© Гончарова М. Б., 2019

© Дмитриев А. В., 2019

© «Время», 2019

* * *

Андрей Дмитриев Ковчег Гончаровой

1

Литература не любит счастливых семей. И уж если берется за семейную историю – то чаще всего для того, чтобы явить миру универсальную модель его катастрофы.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» – с первой же строки «Анны Карениной» Лев Толстой дает понять, почему он взялся за роман о семейном несчастье двух семей: Облонских и Карениных. Категорическое *похожи* подразумевает *скучны* – это, если говорить о живой жизни, пожалуй, и неправда. Другое дело – литература, у которой свои законы, и ничего скучнее благополучного однообразия сюжетов, благостной бесконфликтности, радостной жизни как таковой придумать нельзя. Попытка Толстого, убежденно-го поборника семейных ценностей, сочинить историю о *семейном счастье* была провалена. Его роман, так и названный «Семейное счастье», удачей точно не назовешь – мало кто вспомнит о нем сейчас, кроме специалистов по истории литературы, да и те вспоминают нечасто. Может показаться

удивительным, но в финале «Анны Карениной» Левин, *alter ego* автора и единственный счастливый семьянин в романе, осознав свое счастье, с огромным трудом обретенное, – до того напуган и растерян, до такой степени не верит в совместимость семейного счастья с жизнью, что всерьез подумывает о самоубийстве.

История гибели одного семейства – подзаголовком «Будденброков» предупреждает читателя Томас Манн...

«Сага о Форсайтах» Голсуорси – могучая метафора все-ленской катастрофы, художественный приговор Викторианской эпохе, которую и по сей день многими принято считать золотым веком Британской империи...

Если же в семье все по видимости благостно и гладко – литература непременно поселит скелет в семейном шкафу или найдет на семейный очаг разрушительную бурю извне...

Все же нет-нет, но и заявит о себе литература, для которой в истории счастливой семьи нет ничего однообразно-скучного и где семейное счастье – универсальная модель спасения мира. Прежде всего, это в немалой своей части литература о детях, где жизнь семьи показана их глазами. Потому что глазами детей весь мир вокруг, со всеми его страхами, опасностями и даже горестями, – это, как правило, счастье. И в этом смысле я готов поставить рядом «Детство» Толстого, мучительные, но удивительно жизнелюбивые истории Диккенса, в которых дети, пусть и не все, обретают счастье прежде всего в семье, «Чук и Гек» Гайдара и, скажем, «Денискины рас-

сказы» Драгунского. (Конечно, есть и страшные, безнадежные истории о детях, которым нет места и спасения в этом мире, а значит, и миру нет спасения, но они – предмет иного разговора. Скажем, о том, как гуманнейший Чехов сочинил адовы «Устрицы», а Достоевский – «Мальчика у Христа на елке».) «Взрослой» прозы, во взрослом ракурсе которой была бы явлена заведомо счастливая семья, в литературе немного. Один из редких примеров этой прозы – рассказы и повести Марианны Гончаровой. И они – точно не скучны.

2

Увлечательность и, соответственно, популярность прозы Гончаровой принято объяснять тем, что ее проза насыщена юмором. И это справедливо: юмора у Гончаровой не отнять.... И все же... Вымышленные смешные миры несравненных мастеров юмора художественно восхитительны и убедительны... Но в этих смешных мирах тебе вряд ли захочется жить доподлинно. То есть невозможно мечтательно вообразить себя доподлинно живущим среди персонажей Гоголя, Чехова, Достоевского и Зоценко, Бабеля и авторов «Двенадцати стульев». Одно дело смеяться над героями «Мертвых душ», совсем другое – вообразить себя играющим с ними изо дня в день в вист. Одно дело нравоучительно хохотать над унтером Пришибеевым или Человеком в футляре, совсем другое – представить себе воочию, что тебе прихо-

дится с ними здороваться каждый день при встрече и каждый день выслушивать их нравоучения. Одно дело смеяться над манерами трамвайных хамов из рассказов Зоценко, совсем другое – хотя бы мысленно оказаться в тех трамваях. Читать «Одесские рассказы» Бабеля очень весело, но не хотел бы я жить на одной улице с Беней Криком и его очаровательной сестрой. Одно дело – вышучивать Безенчука с его выставочными гробами, отца Федора с его дохлыми кроликами и Кису Воробьянинова в нарукавниках сотрудника загса – совсем другое дело хотя бы во сне навеки поселиться в уездном городе Н. и натянуть на себя по локоть эти сатиновые нарукавники...

Ты читаешь и перечитываешь лучшие из смешных страниц, созданных человечеством, для того чтобы разделить с авторами художественное удовольствие, чтобы, конечно же, посмеяться, – но и для того, чтобы определиться со своим собственным миром, принять себя таким, каков ты есть. Даже если твой мир полон горести, глупости, страхов и неудач, даже если ты, по чувству своему, состоишь из многих несовершенств – это все же твой мир, а не подсудный твоему смеху, страшноватый мир героев «Ревизора». Автор «Ревизора» приглашает тебя вместе с ним посмеяться над повседневной жизнью его героев – и ты принимаешь приглашение.

Нет, ты не равен Гоголю, когда смеешься, перечитывая «Ревизора». Но ты и не его герой. Ты смеешься над его героями *вместе* с Гоголем, по его, повторяю, *приглашению*. И

благодаря Гоголю – его юмору! – хотя б на миг становишься бесстрашнее перед лицом своего подлинного мира. Думаю, ни один из читателей или зрителей «Ревизора» не принял, не принимает и никогда не примет на свой счет финальную реплику Городничего: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь». Не примет и будет прав: не над собой.

Никому из читателей, как я догадываюсь, и в голову бы не пришло вживую постучаться в дверь кого-нибудь из самых смешных героев Гоголя, Чехова или Зощенко, чтобы разделить с ними их повседневную жизнь.

...В дом, который с юмором, но накрепко и надежно построила Гончарова в своей прозе, читатель захочет постучаться.

3

Смешная, счастливая семья в этом доме, во всех подробностях своей жизни – притягательна, к ней влечет, к ее кругу *тянешься*, как к спасательному кругу... Я здесь не вхожу в подлинные обстоятельства жизни Гончаровой. Я отдаю себе отчет, что за каждым ее персонажем стоит реальный человек, но степень вымысла высока, ситуации и повороты сюжетов фантастичны, едва ли не сказочны, и мы уверенно можем говорить о мире прозы Гончаровой как о сугубо художественном мире... И в этом мире, в этом вымышленном, хотя и узнаваемом городе, который сам – семья, все *тянутся* друг

к другу: русские и цыгане, украинцы и евреи, румыны и австрийцы, кошки и попугаи, взрослые и дети, звери и птицы, вещи и книги, воспоминания и надежды на будущее. В этом обширном семейном мире никто не смотрит друг на друга снизу вверх или, наоборот, свысока; всеобщее тяготение в нем – это тяготение равных, тяготение живых к живому, а не слабых к сильному. Возможно, напряжение этого семейного *тяготения* всех ко всем и ко всему – и есть главный мотив прозы Гончаровой. Он завораживает, наряду с ее юмором и сюжетами... Вот попугай Терентий: он *тянется* к колокольчику, потому что влюблен в него буквально, тянется к теплому картофельному пюре, в котором любит купаться, тянется к гостю семьи и будущему члену семьи по имени Дзундза, с которым ест наперегонки это самое пюре, в котором уже искупался, из одной тарелки – и Дзундза тянется к попугаю, не брезгуя пюре... («Не покидай меня, Дзундза!») Это взаимное тяготение нельзя разрушить, людей нельзя разделить, даже разъединив их жестокой политической границей по Пруту: люди найдут способ услышать друг друга и через реку («Янкель, инклоц ин барабан»).

Юмор, с которым рассказана жизнь этой разнообразной, *многосемейной*, но очень сплоченной *семьи*, понуждает не к смеху, но к удивлению и доброй зависти.

Из вышесказанного может показаться, что речь идет о прозе умилительно-сентиментальной, но это не так. То приглушенный, то отчетливо слышный мотив опасности звучит в ней непрерывно. Потому что никуда не делось все зло окружающего мира. Никуда не делись и не денутся силы, способные на годы разделить людей по Пруту и по иным, бесчисленным, не только лишь географическим границам. И никто не отменил смерть.

То, что в прозе Гончаровой делает человека сильным, веселым и бесстрашным, а именно доверчивое тяготение к другим – обрекает его и на крайнюю уязвимость. Подросток Лиза Бернадская борется с опаснейшей угрозой, преодолевая ее благодаря всем, к кому тянется – а тянется она ко всему живому: к взрослым и детям, к зверям и книгам, и все живое тянется к ней, даря ей силы и надежду. Но стоит Лизе со своей открытой, а значит, беззащитной душой потянуться к иному миру, устроенному совсем иначе, чем привычный, счастливый, семейственный мир – ее настигает самое тяжелое испытание... («Тупо в синем и в кедах. Дневник Лизы Бернадской».)

Мир Гончаровой – это ковчег, вход на борт которого никому не заказан; ковчег, способный с весельем и отвагой преодолеть любые темные воды, лишь бы обитатели ковчега не уронили за борт свою спасительную веру в закон всеобщего тяготения.

Ноябрь 2018 г.

Тупо в синем и в кедах

Дневник Лизы Бернадской

Повесть

В этом году ко мне не пришел Дед Мороз.

И не потому, что я не верю в чудеса. Как раз наоборот – чудеса я встречаю с восторгом и благодарностью. Потому что без присутствия чуда в этой человеческой каше-малаше, в этих странных отношениях друг к другу, к детям, к природе, к планете, к жизни никак не складывается ничего. Непременно должно быть что-то, когда вдруг глупость и безалаберщина уступают место пониманию и быстрой человеческой реакции... Ну то есть по-настоящему человеческое – это когда включается не обычная обезьяна, а божественное. То самое, для чего мы, человеки, были придуманы... Ой, что-то я устала и запуталась сама. Ну вот, например, кто-то по внутреннему зову вдруг просыпается, вскакивает ночью, бежит куда-то, чтобы нажать на кнопку возврата и спасти планету от гибели, я знаю, я читала про дяденьку, который вернул на место уже запущенную боевую ракету. Или даже ракеты. А вот еще. Одна девушка в городе Каменец-Подольском стояла на перилах моста, уже собиралась сигануть вниз, чтобы покончить с этим всем обрыдлым, ужасным, отвратительным и постылым. А тут вдруг старенькая машинка: трюх-

трюх-трюх – и заглохла. Оттуда дедушка вываливается. Говорит, девушка, а девушка, а ну слезайте! Вы же упасть можете, прямо в реку! Девушка, а девушка! (Вчера только смотрели с братом: «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? – Тепло, батюшка, тепло!» – Фильм «Морозко».) Я когда еще в клинике лежала, читала что-то по литературоведению, там это называется «медитативные повторы». Они, мол, как-то действуют на подсознание. Вроде как заговоры колдовские, вот это вот «девушка, а девушка...»

Кароч, спрашивает он эту девушку, которая уже крылышки сложила и хочет кинуться в речку. Смотрич от несчастной любви, дура такая:

– Девушка, а девушка...

А девушка ему раздраженно:

– Ну чо, дед, ну чо те надо?! – Она ведь уже все, решение приняла, вот-вот...

– Иди, – говорит дедушка, – сюда, помоги старику.

Девушка добрая, почему не помочь, хоть и раздражает дед скрипучим своим «девушка, а девушка». И она слезает с перил. Осторожненько так. Чтобы *не упасть*.

А дедушка ей – оп! – конфетку на палочке цветную, круглую, огромную, как блин, – и говорит:

– На! С наступающим Новым годом, детка!

Ну, потом уже настроения у нее лезть на перила, конечно, нет. Дедушка еще этот какой-то подозрительный. Подтолкнула с ним его «копейку», села к нему, на заднее сиденье,

а сама боится. И думает, бли-и-ин, я ж только что хотела с моста кинуться, чего это я сейчас боюсь, какая разница, как содохнуть от несчастной любви. А бабушка на своей трюхалке подвез ее в центр города по дороге. Она попрощалась нормально, спасибо сказала, с наступающим Новым годом тоже сказала, пересела в такси, а у таксиста оказались синие глаза и он тоже ее – с наступающим, и веселые истории рассказывает... Пригласил в кофейню поболтать, выпить кофе-чаю или чего... Домой отвез, телефон попросил. Ну не чудо?! Да, простенькое. Даже банальное. Но ведь чудо!..

Ну и потом – главное чудо произошло со мной, с нами, с нашей семьей. Поэтому в чудеса я верю, а в Деда Мороза уже нет. Ну какой Дед Мороз придет ко взрослым, повидавшим всякое в своей жизни людям семнадцати лет?!

(Оп! Три часа дня. Сейчас-сейчас, мне надо срочно принять таблетку и витамин, я вернусь.)

Ну вот. В этом году ко мне не пришел Дед Мороз. Зато к Мистеру Гослину, моему брату, пришли и Дед Мороз, и Санта, и всякие Снегурочки в коронах, шапочках, с косичками и в белых валеночках. Прилетели тихие эльфы с прозрачными крылышками, в розовых штанишках и крохотных сверкающих туфельках. Пришли вздорные, но добрые в душе гномы, нанесли грязи в прихожую, натоптали. Прискакали из страны оленьей легконогие олени, веселые, трусливые, глупенькие, с барабанами зайцы и другие сказочные лица и морды. Надарили всего разного, о-го-го! Мистер Гослин же у

нас парень не промах. И хотя он только-только выучил буквы, но уже сумел сложить из них вежливые и скромные пожелания и просьбы, через слово вставляя «пажайльисто». Санте он отправил письмо через морозильную камеру старого холодильника. Ночью мы послание выкрали и прочли, давась от смеха и умиляясь деликатности нашего мальчика. Пажайльисто. Он писал это письмо целый вечер, высунув язык, весь извозюкался фломастерами, пыхтел, замучился рисовать буквы и слово «пажайльисто», потеть от усердия, шевелить губами, словом, подустал с этим всем. Ну и письмо Деду Морозу уже потом не написал, а нарисовал, наслюнявил уголки и наивно приклеил на окно, типа, Дедушка будет мимо проезжать, увидит, заинтересуется, а ну-ка, что это тут? А там были просто нарисованы герои сказки «Волшебник страны Оз», все абсолютно похожие на черепах-ниндзя.

Ну мы уж постарались. Во всех мыслимых и немыслимых местах дома таились коробки с подарками для Мистера Го-слина. И мы только переглядывались и сияли, когда он вдруг находил их, радостно взвизгивал на весь дом, разворачивал пакеты, удивлялся и хохотал своим многоцветным неподражаемым смехом. Прокололись мы только с черепахами. Абсолютно случайно мы узнали, что хотел-то он лего с персонажами страны Оз. Но ничего, армия скупленных в магазине воинственных суперчерепах тоже прокатила.

Полина Игоревна, подруга моей бабки Агнии (все зовут ее Агнешка), проводит со мной пси-хо-те-ра-пев-ти-чес-ки-е-е-е... е-е-е! Бесит! Меня сейчас очень многое бесит. Такая я есть сегодня. Такой период в жизни. Бесит. И ненавижу. Много лишнего обнаруживается в этой жизни. Много лишней суеты, лишней еды, лишней одежды, лишних усилий, лишних событий. В том числе – лишние ненужные слова. Длинные такие, что, пока выслушаешь до конца, взмокнешь.

Ненавижу *длинные слова*, ненавижу! И еще. Вот тут лучше сразу сказать, почему я в этом те-ра-пев-ти-чес-ком дневнике не выставляю даты. Потому что я ненавижу точное время. Точное время и длинные слова. Но особенно длинные слова. И многословных речистых взрослых людей. Со значительными тяжелыми лицами. Зачем, господа присяжные... завсегдаи... завсегдатели... заставлятели... Зачем?! Чтобы потянуть время, которое на самом деле совсем не тянется, а без-воз-врат-но уходит навсегда? Чтобы отбирать у меня минуты, часы, дни, долго ворочая языком, демонстрируя, какой ты взрослый, умный и крутой, а на самом деле успеть что-то задумать, наврать, обхитрить? Чтобы все стояли и ждали, когда ты такой весь из себя надутый как голубь, это слово выдавишь, выговоришь, молвишь, изречешь? Это я в вор-

де синонимы подсмотрела. Нефиг Нечего мне делать, придумывать слова про отморозков всяких велеречивых. (Это из Агнешкиной книги слово – «велеречивый», про чувака, который трепался почему зря.) Ну скажешь ты, такой весь из себя, длинное, непонятное обычному человеку слово. И чо? Произведешь впечатление, няшный такой перец? И убьешь, сволочь такая, мое личное время, умник!

Или вот еще про время. На пакете с тем, ну с таким, черт, не помню, а – пудинг! На пакете с вязким серым содержимым написано: варить двадцать минут. По-ме-ши-ва-я. Бли-и-ин! Двадцать минут на ~~о~~фигительный ~~о~~балденный изумительный диетический пудинг! Который никто жрать не захочет, и он зацветет буйным зеленым цветом в холодильнике и развоняется вовсю. Тогда лучше напишите – отдай мне, девочка, двадцать минут твоей жизни на эту хрень, и обратно я тебе их, эти двадцать минут, не верну. Вари давай серый пудинг, иди верной дорогой к финалу. По-ме-ши-ва-я.

Времени у человека вообще мало. Вот, например, жизнь – это песочные часы. У меня есть такие, в пластиковой фиолетовой рамке. Доктор Натан подарил. Принес однажды. Так странно было. Ну, потом напишу. Он сказал, вот тебе, Бернадская Лизочка, часы. Я спросила, а зачем? Натан ответил, чтобы я смотрела, как бежит песок, и так легче ждать, когда закончится капельница или процедура. Песок в этих часах темный, густой, мерцающий. Просачивается, как черная кошка в темную комнату, кошка с атласной спиной – сквозь

стеклянное тонкое горлышко. A cat on a hot tin roof... A black cat in a sandglass. (На полях: Кошка на раскаленной крыше... Кошка в песочных часах...) Стекает горкой вниз. Лапы, голова, живот, задние лапы, хвост. Переворачивать часы во время процедуры надо четыре раза. Я очень полюбила доктора Натана, я его заобожала даже. Он очень прикольный. Но. Я совсем не полюбила его подарок. Гонять эту кошку туда-сюда, туда-сюда. И когда переворачиваешь четвертый раз, кошка замирает внизу, сворачивается клубком, и сначала еще видно уши, круглый затылок, гладкую спину, а потом вся кошка рассыпается в горстку песка. Блин, ну зачем тогда жить, если заканчивается все кучкой пепла, верней, песка?! Рано или поздно эти часы остановятся: их однажды просто никто не перевернет и не разбудит кошку. Песок окаменеет, кристаллы слипнутся, как песчаная роза из пустыни Сахара. Агния хранит такую на белой пуховке в старинной фарфоровой пудренице. Такая красота. А всего-то – песок, ветер, верблюжья моча и время. Так и будут стоять они, песочные часы, нарядно-фиолетовые, и песчаная роза, на которую пописал неизвестный верблюд из восемнадцатого века. Кстати... Моя miss Pauline, Полина Игоревна, – ханжа, она не разрешает говорить: «А можно выйти в туалет?» Она учит спрашивать в при-лич-ном тоне: «А можно помыть руки?» И если в при-лич-ном тоне рассказывать про песчаную розу, то необходимо сказать так, что сотни лет в пустыне Сахара дул ветер, складывал песчинку за песчинкой в причудливый

узор, потом откуда-то издалека притащился неизвестный истории верблюд и несколько раз «помыл руки». И получилось искусство природы. Вот такие они, песочные часы и песчаная роза – памятники прошедшему времени.

Полина Игоревна смешная. Слышала бы она, что у нас в больнице одна санитарка в таких случаях говорила про «помыть руки». Какой она словарь адский выдавала. Мы ее звали Дарт Вейдер. Она с шести утра громыхала ведрами, орала на родителей больных детей и называла нас «задохлики». Это было ласковое слово. Врачи ничего не могли поделать, в санитарки добрые люди редко идут, они где-то в других местах тусуются. Я раньше значение таких слов, какие Дарт Вейдер говорила, не знала. А уж Полина, я думала... Хотя Агния возражает. Агния говорила, что Полина и не такое слышала. У Полины была очень трудная жизнь, но ее правильная речь – это личный протест. Это протест против ее прошлого времени (опять время!). Это было время, когда вокруг нее, такой тонкой и аристократичной, все матерились и орали, как санитарка Дарт Вейдер, и не стеснялись этого, а даже гордились. И Полина тоже научилась так говорить. Агния рассказывала, что в том мире, где Полина существовала почти пять лет, без *общего* языка было не выжить. Вообще, Агния говорит, что везде и всегда надо искать *общий* язык. И это не значит английский, украинский, испанский. Это значит совсем другое. Я понимаю, но не могу объяснить. Там, в том странном месте, у Полины Игоревны был такой *общий*

язык с другими людьми, и она должна была на нем говорить. А у нас в семье должен быть другой общий язык, потому что у нас растёт Мистер Гослин. Он должен слышать лучшие примеры языка. Вот именно поэтому – настаивают Полина Игоревна и Агния – я должна убрать из своей речи ругательские слова и учиться разговаривать, как Полина Игоревна. И это тоже будет протест – против вселенской грубости и обценной лексики. Не знаю, правильно ли я написала. Новое выражение выучила – обценная лексика. Это значит грязная, оскорбительная, корявая речь. (Даже с матами!)

Надо бы мне об этом подумать, об общем языке. Подумать, сформулировать и написать. Самой себе.

* * *

Почему я это все пишу. Не только потому, что это терапия. Во-первых, я живу сейчас в ограниченном пространстве. Мне ещё нельзя выходить из дому, разве только на прогулку с кем-то из родителей два раза в день по полчаса. Поэтому у меня дефицит общения. И я общаюсь сама с собой и как будто со всем миром. Завести свой блог, конечно, можно. Но какое-то время мне вообще нельзя находиться слишком долго рядом с компьютером. И потом, если завести свой блог, то у тебя для этого должны быть реальные друзья. Чтобы они читали, чтобы они отвечали тебе, лайсили, то есть ставили лайки. То есть вот люди, которые говорят с тобой

на одном языке. Для которых ты пишешь. Полина Игоревна, да?

Если же у тебя нет друзей, в твой блог придут чужие, которые ни тебя не знают, ни ты их. Начнут писать ерунду, троллить, слать дебильные картинки, хуже того – оскорблять. То есть говорить с тобой на разных языках. Вроде как на одном, русском или украинском, но абсолютно на разных. Как если бы говорила наша Полина с санитаркой Дартом Вейдером. Там-та-та! Та-а-а... Да-дам! Та-а-а... Да-дам! Эх, жаль, музыку из «Звездных войн» нельзя передать словами. Когда они, такие бесчувственные убийцы, идут строем. Жесткач вообще! Как мы тащились от этого, обалдеть!

Ну дальше. Во-вторых.

А во-вторых, Полина подарила мне этот крутой блокнот и сказала, что мне обязательно нужно вести дневник. И не так важно, на каком языке, а важно быть честной с самой собой. Нет, нормально! Я буду честной с самой собой, буду секретничать, делиться мечтами и планами, а Полина будет мне тут чиркать карандашиком и подчеркивать слова «лойсить», «лайкать» и «тащиться». Окей (на полях: ОК), буду писать, потому что я очень хочу пойти в школу и социализироваться. Блин, опять! Какое слово холодное, как стол в рентгенкабинете. На самом деле дневник надо вести, чтобы наладить отношения с самой собой (get on with), научиться жить среди людей, разобраться в окружающих и наладить (get on with) отношения с ними. Потому что, как выяснилось, после мо-

его долгого отсутствия в обычном мире я – moody. (Какое толстое слово! Прикольно, да? Му-у-уди, жаль, Полина Игоревна запретила рисовать в дневнике смайлы.) Moody – это значит, что у меня резкие перепады настроения. (Но на самом деле я сейчас всегда в хорошем настроении, только этого не видно.)

А, да, Полина Игоревна посоветовала написать здесь, что она подтягивает меня по английшу и я довольно успешно do my best. Усердно – это ее, Полинино слово – усердно занимаюсь. Смешное слово, но немного странное, «усердно». Какое-то оно... moody. Полинин английш очень беглый, утонченный, она говорит красиво и правильно, как Ее Величество Елизавета Вторая в оранжевом костюме, с сумочкой на локте и в эдакой элегантной невесомой шляпке на серебряистой прическе. (На полях: Полина говорит, что так не пишут. А вот и пишут-пишут. Например, я так пишу.) А вот нормальные люди же так не разговаривают? «Не соблаговолите ли вы...» Не-а, не соблаговолю, Полина Игоревна! Нормальные люди спрашивают: Чай бушь? Или – хошь конфету? И пьют себе спокойно чай. И конфеты жрут едят. А мне нельзя. (Тут должен быть смайл с ручьями слез из обоих глаз: ы-ы-ы!)

Dear Полина Игоревна, язык меняется, упрощается. Это пишу я вам не от своего имени. Это говорил один классный пожилой хипстер в лекции TEDx. Он говорил, что язык есть часть культуры. Как музыка, например, кино или театр. Как

мода на одежду и дизайн. Как отношения между людьми... И все это постоянно транс-фор-ми-ру-ет-ся. Ну, изменяется, в смысле, или что-то типа того. А вы, Полина Игоревна, не хотите меняться. Но Дима говорит, спасибо скажи. Полина – клад, сокровище. Спасибо, Полина Игоревна, наш клад и наше сокровище. Ну правда же, вы – сокровище. (На полях: Но раз я пишу себе, то почему я пишу вам, Полина Игоревна? А?)

Полина Игоревна сказала, что, если я не хочу писать даты, нужно ставить хештеги. Полина супер какая продвинутая. Теги – слово из социальных сетей. Окей, буду ставить теги.

#english_grammar_in_use

#английская_грамматика_на_практике

Полина Игоревна сказала, что не будет придираться. И чтобы я чувствовала себя свободной. Итак, Полина проводит со мной психо... бли-и-ин, бесит! блин! встречи. Нельзя называть их «сеансы». Она говорит, что «сеанс» – это от-вратительное тюремное слово. И означает «восторг». Откуда она знает? Наверное, из ее «прошедшего времени», из Past Simple. Агнешка советует не спрашивать, потому что Полина обидится и не будет знать, как ответить. Что такое «больно», я понимаю, поэтому не спрашиваю. Но догадываюсь. У Полины в доме есть много всяких знаков ее прошлого по-

терянного времени. Хорошо бы добавить во времена грамматики инглиша еще и Past Lost Tense. Есть ведь Прошедшее Неопределенное, Прошедшее Длительное, Предпрошедшее, то есть Прошедшее Совершенное, вот пусть будет и Прошедшее Потерянное. Английская грамматика какая-то мистическая, сказочная, согласитесь, П. И., а? У Полины огромная библиотека нездешних книг на английском, немецком, редкие альбомы и словари. Еще повсюду стоят удивительные вещицы, всякие фарфоровые маленькие, двухсантиметровые штучки, шкатулочки, рамочки, фигурки, вазочки, какое-то нереальное все, не для современной жизни, такого не купишь у нас даже сегодня. Полина говорит, почему она собирает такое маленькое: потому что такие штучки легко прятать или перевозить. Упаковал все в обувную коробку и повез. (На полях. Не собираю. Это мне дарили. П.) На доньшках этих вот милых штучек везде написано «Royal Worcester» и год 1959 или 1960. Знаменитый фарфор, – объясняла Полина Игоревна, – его делают уже много веков в британском городе Вустер.

А главный знак Полининого потерянного прошедшего времени Past Lost Tense – черно-белые портреты красивого нездешнего мужчины в светлом легком пиджаке. Русые волосы, широкая улыбка. Такой, ну прямо ееане восторг! Этот чувак мужчина везде – на стенах, на рояле, на книжных полках. Иногда один, иногда в группе каких-то официальных людей в костюмах и женщин в шляпах и перчатках, иногда

с хрупкой красивой девушкой. Я понимаю, кто эта нарядная красавица в платье из какого-то дивного (на полях: красивое слово, как в сказке – дивный!) невесомого материала в мелкий цветочек или в полосатой смешной безрукавке ну вроде такой вязаной жилетки, что ли, или в спортивной майке, сидит и хохочет в байдарке. ~~Вообще аутфит у нее на всех фотках прикольный.~~ На всех фотографиях у нее супер-прикиды очень красивая одежда. И везде она рядом с тем самым отпадным мужиком красивым человеком, эта молодая Полина. На вопрос, кто этот парень, Полина ответила, что это Тони. Тони Матоски. А где он сейчас, – спросила я. Не знаю, – ответила Полина. И добавила: когда меня посадили (посадили!!!), его выдворили. (На полях: выдворить – expel. Слово острое, как скальпель, икспэл. Острое, холодное, кусачее. Expel.)

Больше Полина ничего не рассказывала. Такой сеанс... психотерапии. Я сейчас – moody, Полина Игоревна, и очень upset, pissed-off (в книге нашла, в книге!) и out of tune. Я не очень понимаю, что стоит за этими словами «когда меня посадили», нет, я понимаю, что арестовали (мою Полину?!), что судили (за что?!), что куда-то повезли, где-то закрыли рядом с людьми, у которых был другой *общий язык*. И почти пять лет... Боюсь поверить. Эпичненько... (На полях: Это я зачеркнула сама.) Трагично. Вот это слово я хотела написать.

#i'm_enough_of_speaking_about_the_same_thing

Домашнее задание

Эссе «Новый год, который я запомню навсегда»

(На полях: Эссе – это небольшое сочинение свободной композиции. В эссе обычно много личного: отношение, мнение, размышления. В эссе позволительна разговорная интонация, которая свойственна тебе, Лиза. П. И.)

В этом году, как я уже писала, ко мне не пришел Дед Мороз. Он приходил ко мне в прошлом и позапрошлом, и позапозапрошлом году в клинику. Когда он пришел первый раз, я его вообще не видела. Как будто лежала тина под водой и оттуда, из-под воды, слышала глухие разные голоса. Голоса бесили и мешали всё и всех забывать. Узнавала я только Кузин голос. Она говорила: Лиза, Лизка, ты меня слышишь, это я, мама... Я ей отвечала: мама, слышу, не ори. Но потом Кузя сказала, что я не отвечала ничего. Только думала так, наверное. Под водой же нельзя говорить. Можно наглотаться тины, черной, вонючей, гнилой. Мне вообще тогда показалось, что я вся превратилась в очень холодную грязную неподвижную воду, и скоро меня будут переливать по частям в разные колбы, тазы и кружки, будут процеживать сквозь фильтры

и делить на капли маленькими пипетками. Я не хотела, чтобы меня процеживали и делили на части по кувшинам и тамам. А потом каждую часть выливали бы в разные реки. Вода там замерзнет, лед заполнит русло и пойдет звонкими – крк! крк! – трещинами. Потом все вокруг растает, и я исчезну. Позже стало светлей. Я уже не чувствовала себя водой. Меня просто сильно мутило. Кузя говорит, что Дед Мороз заглядывал, но мы не встретились ни по-человечески, ни взглядами, никак.

Второй раз я уже нормально видела Деда Мороза, и он был в бороде из медицинских ватных шариков, в красном с белым колпаке и в медицинской маске, с тонкой шейкой и растопыристыми ушами доктора Натана. Вот тогда он и подарил мне песочные часы. А третий раз я уже вышла к Деду Морозу в холл с другими детьми нашего отделения. В этот раз в маске уже была я. И Дед Мороз был не доктор Натан, а солидный, почти настоящий Дедушка из этих ребят-волонтеров, которые ходят к малышам читать книжки и показывать кукольные представления. И Дед Мороз застенялся, потому что принес он мне хрен черт знает что (на полях: непонятно что) – раскраски детские и фломастеры. Ему самому было ужасно в-неудобняк неудобно, стыдно – стоит перед ним шпала в пижаме, выше него ростом, лысая, в маске... И он вообще понять не может, нацик мальчик я или девочка. А я еще такая хрипло из-под маски: здра-ась. Стою в этих своих коротких портках, из штанин щиколотки сизые, такой

ощипанный фламинго... Как будет фламинго по-английски, *flamingo*? А он мне, такой тупой, но ваще, сунул в руки раскраску про зайчиков и сказал стишок дебильнннй глупый, типа выздоравливай и учись хорошо.

Ну ничего. Я ее подарила, эту раскраску, Мистеру Гослину. Я уже писала, Мистер Гослин – это мой брат Миша. Писала или только думала? Он родился и спас мою жизнь. Я не хочу об этом писать, я никому об этом не хочу говорить. Я расскажу это только Мистеру Гослину через несколько лет, когда он дорастет до такого возраста, когда поймет, *что* он для меня сделал. И я тоже для него сделаю. Сделаю для него все.

#in_short #в_двух_словах

Полина Игоревна была тооду и ручкой подчеркнула и зачеркнула слова про тупого Деда Мороза, слово «ваще» и другое. Много писала на полях. Ну я поняла, поняла, Полина Игоревна. И даже не расстроилась.

Домашнее задание.

Про Мистера Гослина.

I'm a big sister. I love my little brother so-o-o much! His name is Misha. But we call him mr. Goslin. Моего брата зовут Миша, но мы зовем его Мистер Гослин.

Когда меня отпустили домой, я по вечерам боялась уснуть. Ну, свои были причины. Боялась превратиться в воду, например, и наглотаться тины. Мне казалось, что я даже чувствовала ее вкус, соленый вкус грязной тряпки. Или: а вдруг то, что я уже дома, – сон, а на самом деле я в больнице. И Дима, чтобы меня успокоить, чтобы я привыкала, читал мне книги перед сном. Читал-читал, я слушала и постепенно засыпала, и Дима засыпал в кресле. Однажды он читал мне Джерома: «Старый Гослин поднял голову, снял очки, протер их и опять надел на нос...» Миша рассмеялся во сне.

А, стоп, я забыла написать вот еще что – мы тогда снимали однокомнатную квартиру рядом с клиникой. Это был наш единственный дом, к которому я никак не могла привыкнуть, потому что сто лет провела в клинике и мечтала вернуться в нашу захламленную, уютную и теплую квартиру, в свою комнату с большим дартсом на стене и скрипучим полом. Но нашу квартиру...

Да пошли вы с вашим идиотским долбаным дневником!!! Ненавижу!!! Не буду рассказывать, нафиг зачем вообще все-все рассказывать. Чтобы что? Социализироваться, да, Полина Игоревна?! Зачем мне?! Социализироваться? (На полях: Социализироваться.)

#mister_goslin

Тогда я уже почти уснула. Мишка тоже спал или не спал. Ну спал или типа того. Дима опять прочел: «Старый Гослин поднял голову...» – мелкий открыл глаза, сел и опять заржал... Дима отложил книгу и сказал: «Ста-а-арый Гослин...» – Мишка как покатится со смеху, повторяя «гослин, гослин». Вообще он круто смеется, по-настоящему, белые зубки сахарные, ротик как пещерка, а-а-а, он вообще прикольный у нас. Пещерка – это не обидно. Когда Кузя его кормит овощами, которые он не очень уважает, она всегда говорит: «Сим-Сим, откройся». Ну и вот. С того вечера мы стали звать его Гослин. «Старый Гослин», как у Джерома, Мишке не шло. Он же маленький. А Мистер Гослин – в самый раз. Потому что наш Мишка важный, серьезный человек, любит книги и немного пузатенький. Ну и, кроме того, он совершил то, чего никто не смог, – спас меня.

#in_a_huff #my_three_kings_and_mister_goslin
#в_отчаянии #мой_три_короля_и_мистер_гослин

Про квартиру. На самом деле мы не бездомные. Мы нормальная человеческая и дружная семья. Просто так получилось. У нас произошел финансовый кризис. Из-за меня. Потому что я сначала чуть-чуть болела, потом была ремиссия, думали, что уже нормально все. А потом я опять заболела.

В нашем бывшем родном городе, если идти вдоль центральной улицы, то каждые пять метров – аптека. Вообще,

прикольнo это все. Мне странно, что взрослые солидные люди, а как будто играют в какую-то игру: все видят, что кто-то ворует, но делают вид, что не видят. И делают вид, что уважают этого вора. Все знают, что кто-то врет, но делают вид, что верят этому брехуну лжецу. И тоже вроде как уважают. Тьфу, гадость. Плесень. Не понимаю, зачем? Дебилы вообще. Дима говорит, что в городе уже не работает ни одно предприятие, ни один завод, ни фабрика, ничего. Есть только рынок, несколько частных лавочек, еще есть кондитерская, сапожная мастерская, есть несколько больших магазинов каких-то тряпочных, телефонных и продуктовых. А книжного в городе нет. Но множество *lots of! plenty of!* аптек. Город аптек. И все. Зато в самом центре стоит гигантское, мощное, основательное здание под красной черепичной крышей в четыре этажа, называется Администрация. Там в каждом кабинете довольно тесно сидят люди и перебирают бумажки. Шуршат. Вроде как руководят чем-то. Дима называет их «слуги народа». Что это значит, я пока не понимаю. Но, по-видимому, ничего хорошего. Так вот, аптеки. Наш Дима знал по именам всех провизоров, таких любезных, вежливых, приветливых. И знал, где взять для меня препараты подешевле. Но и там его ухитрялись надуть. Всучить индийские липовые таблетки или еще там что-то... Потому что (это сказала Агнешка, она же у нас толковая, как филин из тувинских сказок про мудрого филина) аптечный бизнес – это мафия. А где мафия – там обман, там преступления и там не ценят

человеческую жизнь. В том числе и мою. Короче, все деньги у нас ушли в эти вот аптеки. И даже наша квартира тоже со свистом всосалась этими вежливыми аптекарями. И «похоронные» деньги Агнии. И даже Полина продала какие-то свои драгоценности, которые сохранились из ее до-прошедшего-времени, из ее Past Perfect. И при этом все вокруг твердили и поучали: в Израиль, в Израиль везите Лизку на пересадку. А уже никак невозможно было в Израиль. Во-первых, я была совсем под водой. А во-вторых, вот-вот должен был родиться Мистер Гослин. Кузя лежала на сохранении и сбегала из этого сохранения ко мне, чтобы меня звать из-под воды своим нежным детским голосом: Лизка, Лиза, это я, Кузя! Ну и потом случилось чудо. В нем участвовали три врача и родившийся в тот момент Мистер Гослин. И его маленький пупочек. Совсем-совсем *tiny*. Как ноготь на моем мизинце. У него, такого маленького, из тоненьких сосудов на голове ради меня брали шприцами всякие анализы. И все, абсолютно все параметры и что-то там еще у нас с Мистером Гослином совпало, сошлось. Как будто мы с ним – одноййцевые близнецы. С Кузей и Димой – не совпадало, а с Мистером Гослином совпало все. Больше не хочу об этом говорить. И это вспоминать не хочу. Но буду всегда помнить.

#dejected #удручена

Сегодня утром Miss Pauline прочла все это, покачала го-

ловой и сказала, что я пишу плохо, что я сквернословлю, что нельзя так много писать о тяжелом. И все у меня совершенно непонятно, запутано. Кто кому кто. Кто это Дима, кто Кузя, что мы тут все делаем. А как же писать? – я спросила. – Откуда же я знаю.

Полина сказала: «Надо писать о тех, кого ты любишь, о том, что ты любишь. И тогда все будет понятно». Ладно, я напишу. Потом.

#my_new_life #agnia #my_family

#моя_новая_жизнь #агния #моя_семья

У-у-утро туман-н-нае, у-у-утро седойе-е-е... – мы так пели с Агнией на кухне. Голова разболелась. Лист упал на подоконник со стороны двора. Желтая сухая ладошка лупит, лупит по стеклу: впусти меня, впусти. Интересно, если бы я видела эту ладошку ночью, было бы мне страшно или я уже совсем ничего не боюсь? Туная Странная зима. Дима говорит, гнилая. Меня поэтому пока еще не оформили в школу. А Мистера Гослина – в садик. Стыдно, но подчинено все моему здоровью. Если Мистер Гослин притащит из садика соплю, он может заразить меня, а у меня слабый иммунитет. Мне нельзя. Бедный мой маленький Мистер Гослин. Он хочет играть с детьми. Но понимает. Вот же светлая у моего брата душа.

Я занимаюсь с учителями дома или по скайпу, удаленно.

Я читаю энциклопедии и учебники. Дима приносит задания или мне присылают их по мылу по электронной почте. Я и так очень много пропустила. И теперь старше будущих своих одноклассников на полтора года. Я бы хотела ходить в школу. Посмотреть, как там сейчас и кто. Дискачи есть еще, нет? Какие группы модные? Какая одежда? Чо слушают? Но Кузя и Дима боятся, чтобы я не подхватила там какой-нибудь вирус. И вот я сижу и разбираюсь в задании по алгебре. Нет, нормально. Мой учитель физики и математики Пауль Францевич говорит, что у меня очень хорошее, даже особенное устройство головы. И я стараюсь, чтобы оправдать. Мне с П. Ф. интересно. Он супермегакрутой, он читает лекции в лучших университетах мира. Он мне друг.

Сонно. Мистер Гослин и Кузя спят наверху. Агнешка ходит по кухне в ярком китайском халате с сумасшедшими попугаями, стучит и клацает каблучками своих странных шлепанцев с помпонами. Надтреснутым голосом поет «Tombe la neige, tu ne viendras pas ce soir...» Колдует, чтобы пошел снег. А снег не идет. Лиззет, ты хочешь наливки? – она говорит. Я хочу, но мне нельзя. Я занимаюсь математикой, и у меня болит голова. Пей ты, Агния. Я понюхаю твою рюмочку. Мне кажется, что математика и физика будут моими любимыми предметами благодаря Паулю Францевичу.

#agnia #my_family

Домашнее задание

Мы переехали на родину моего деда. Тут у нас живет папина мачеха Агния, вдова папиного отца. Дед был капитаном дальнего плавания. И когда он ушел в отставку, верней на пенсию, они с Агнией переехали в этот небольшой красивый город, где когда-то мой дед родился. Повторюсь – мой дед был капитаном дальнего плавания. Поэтому у Агнии сохранились командирские замашки, пунктуальность, аккуратность и уважение к чистоте. Она умеет ругаться, выпивать, знает какие-то отличные, умные, хоть и длинноватые, слова и выражения. Например: «Это все пердимонкль, драгоценные вы мои!» Ужасно прикольная бабка. Когда она беззлобно отдает нелепые распоряжения, так и тянет поднимать или опускать паруса, драить палубу, смотреть в бинокль и плясать «Эх, яблочко».

Недавно она позвонила и принялась кричать и чертыхаться, что не могла найти номер папиного мобильного, а стационарный телефон не отвечал (его нам отключили за неуплату). И зачем переехали в съемную квартиру, почему не сразу к ней. Агнешка орала, почему мы ей ничего не сообщаем, что, она уже лишняя в семье, да? И чтобы мы, такие дураки, подняли наши тупые задницы, собрали свое никчемное барахло и приехали к ней жить, надоедать, докучать, раздражать и, что важно, всем этим скрашивать ее одинокую ста-

рость. Будете следить, особенно зимой, – кричала она, – чтобы я не вышмыгнула из дому, потому что я все время падаю! А также подавать лекарства и ждать, когда же черт возьмет меня на тот свет. Тут она Пушкина к месту декламировала в стихах и еще что-то там про пресловутый «будет кому подать стакан воды». Тем более что дом, в котором она обитает, – вопила она, – принадлежит Диминому отцу! То есть моему деду, а значит, Диме и всем нам, Диминой семье, а не ей, «старой кошелке»! Дима ответил ей: Агнешка любимая, прекрати горлопанить, мы выезжаем и возем тебе Стасика, то есть граненый стакан. Зачем мне Стасик, граненый при том... – Агния как будто размышляла вслух, но очень заинтересовалась...

– Чтобы подать тебе стакан воды и закрыть тему, – ей Дима. – А до этого ты сможешь из него выпивать по вечерам. Винцо. Свою наливочку. Это же стильно – граненый стакан Стасик. Винтаж, – ответил Дима. Из телефона послышался довольный гогот: – Что такое Стасик наливочки для вдовы моряка? Пыль!

Мы собрались и поехали.

(На полях: «Стасиком» моряки называют граненый стакан.)

#my_family #mister_goslin

Домашнее задание от Полины Игоревны – сочинение «Моя семья и мои друзья»

Они все – Дима (*my Dad*), Кузя (*my Mom*), Мистер Гослин (*my brother*), Агния (*my granny*) – пять лет только тем и занимались, что вытаскивали меня из-под воды. И вытащили. Три шикарных парня (*oncologists*). Из них два молодых врача – Слава и Натан, и детский врач, как называет его Мистер Гослин, Варений Алексеевич (*pediatrician*). Вся моя семья и бабушкина подруга, моя учительница и воспитательница, наша Полина, – это моя личная армия спасения. Непобедимая, отважная, бесстрашная (*invincible, courageous, intrepid*) армия. Какие есть еще слова для них?.. Какие слова? Невыразимые слова.

Когда Кузя с Мистером Гослином идут по нашей улице по направлению к нашему дому, Кузя, маленькая и худая, ступает мелко и аккуратно, как молодая лесная козочка, несет себя, как хрупкую вазочку с узкой тонкой шейкой, а Мистер Гослин шаркает, загребают ногами, пялится по сторонам и шепеляво орет: «Он – капита-а-ан, и р-р-родина его Мар-р-рфель, он обофает фпор-р-ры, фум и др-р-раки...» – и вдруг они видят меня в окне и машут, машут, а Мистер Гослин останавливается, выставляет пузо, закидывает голову, разводит по сторонам ручки и стоит, ликует, что видит меня, его фестр-р-ру. В груди у меня начинается щекотка, я смеюсь,

задыхаюсь и кашляю. От невыразимых слов. Ну и слезы выступают сразу, потому что если кашляешь, то слезы случаются. Вот странно, когда я была там, в больнице, сколько всего было такого, а я не могла плакать, а когда этот пузанчик поет любимую песню своей бабки Агнии про капитана из Марселя, эта моя Кузя-козочка шагает так легко, как будто каблучками отталкивается от земли, чтобы взлететь, идут такие оба, мои такие классные, – я реву. И Дима говорит: ну, Лизок, что ж ты реवेशь, ну все уже хорошо, все налаживается, главное, что ты у нас молодец и у тебя стойкая ремиссия, ты скоро пойдешь в школу. А я не потому реву, что оказалось удачно все и совпало, что у меня уже нет этой твари внутри, которая пожирала мое время и пространство, как лангольеры, что я до нитки разорила всех своих родных... Я плачу, потому что Мистер Гослин поет, а Кузя беспечная и улыбается. И мой папа. Мой папа, наш папочка Дима – это такой человек, каких сейчас не делают уже. Штучный.

– Только не стригись так коротко, Дзимеон, а то у тебя полковничий затылок. Полина тебя боится. Полина вообще боится милициянеров и вохру, – так говорит Агнешка.

Она говорит своим роскошным басом:

– Дзимеон, ты весь в отца, благородный и верный, я спокойно уйду и оставлю вселенную в твоих надежных руках.

И когда Агнешка так говорит, Кузя подкрадывается к Диме, нежно гладит его полковничий затылок, берет руками за уши и целует его в макушку.

Они у меня худенькие, уставшие, достают мне до плеча. Как-то получилось, что под водой (на полях: «под водой») я почему-то выросла. Агнешка говорит, что я в деда. Он был высокий, сухой и негнибаемый, как мачта. И теперь, когда они меня ругают, когда они мне выговаривают, что я не надеваю теплые носки и шапку, что я выбегаю раздетая на открытую веранду, стоят передо мной, такие маленькие суровые солдатики, задерут головы, насупят мордочки, и это очень смешно, я – им, особенно маме:

– А-та-та! Уй как страшно! Ай-ай, какая ты строгая! – Кузе так говорю. И она прыскает. И Мистер Гослин заливается. А Дима убегает на улицу курить. И там курит, курит, курит. Агнешка тайком стучит по деревянному, плюет себе за левое плечо, оттягивает на шее кофту, плюет и за ворот, крепится и шепчет.

А мне сверху видно все, я высокая.
(На полях: Не высокая, а длинная!)

#my_family

Домашнее задание

My family and my friends.

My family is neither big nor small. My Dad called Dmitriy is an operator of medical equipment and a taxi driver (part-time, mostly in the evenings), my Mom called Xenia used to work as

an editor of a women's magazine but now she is looking after my little brother Misha. We are happy to live with our Step-Grandma Agnia. We would like to have a dog, a cat and some cute kittens and puppies more. But we can't.

I don't have any friends yet. I hope I will.

Моя семья.

Моя семья не большая и не маленькая. Мой папа, которого зовут Дмитрий, работает наладчиком медицинского оборудования. А по вечерам он кастрюлит, то есть таксует. Нелегально, конечно. Моя мама Ксения работала редактором женского журнала, сейчас сидит с моим младшим братом, тем более что журнал давно прогорел. Мы рады жить с нашей приемной бабушкой Агнией, действительно рады, не только потому, что нашу квартиру арестовал банк, но и потому, что мы Агнию любим.

Мы бы хотели еще кошку, собаку, котят и щенят, но пока нельзя.

У меня нет друзей. Но будут. Я надеюсь.

(На полях: Вот же дура! Мой лучший друг – Полина! А Мистер Гослин – еще и брат!)

#my_family #miss_pauline

Ну вот. Агнешка тогда сказала приезжать, располагаться во всех пяти комнатах, жить-поживать, сидеть и ждать, с

нетерпением колотя пятками, когда же черт возьмет ее.

И когда мы, уже совсем ну-чието как христарадники, ввалились в дом с нашими узлами, чемоданами и прочим барахлом, к нам выплыла нарядная, сияющая от радости Агния, моложавая и красивая, а в гостиной, хоть была середина ноября, уже мигала огоньками елка, пахло вкусным из духовки и сладким, и какой-то то ли курой, то ли уткой с поджаристой корочкой, и таким и сяким, чего мне пока нельзя. А вокруг круглого стола с гнутыми резными ножками сидели роскошные Агнешкины подружки, выпивали и крутили блюда кончиками пальцев. Как потом оказалось, они вызывали дух доктора Боткина, чтобы спросить, полезно ли мне, Лизке, Агнешкиной внучке, пить молоко с тертой корицей и медом или только с медом. И что еще нужно давать мне для иммунитета, это был дополнительный вопрос. Среди подружек-спириток была и Полина, похожая на долго пожившую фарфоровую куклу с огромными молодыми живыми глазами. Полина встала, подошла ко мне, оценивающе оглядела мою лысую ушастую голову и прокуренным хриплым голосом неожиданно мягко и нежно похвалила:

– Как стильно! Завтра я тоже так подстригусь, а то эта красотка-длинноножка всех моих кавалеров уведет!

Красотка-длинноножка. Длинноножка-красотка! Это она сказала про меня! И-и-и!!!

– Дзевужки! – громко объявила Агния, – отныне курить в моем доме запрещено. У нас дети. И спиритизм тоже запре-

щен. Пока им, – она указала на меня и спящего на руках Димы Мистера Гослина, – не исполнится восемнадцать. Тогда мы их сами научим интересному.

И дамы, которым было на вид за восемьдесят, а то и все девяносто, согласно закивали, мол, пусть подрастут, научим, научим. И хорошему научим. И плохому научим.

А на следующий день Полина Игоревна пришла со мной заниматься, стащила с головы шапочку и оказалась бритой наголо и с гигантскими яркими серьгами в ушах. Это было абсолютно круто! Она выглядела как рок-звезда, Полина Игоревна.

– Вы помолодели на тридцать лет, Полина, – сказала Кузя, моя мама, – вы как девчонка.

– Ну вот еще, девчонка... А куда деть скорбь в моих глазах и сотни бед и приключений, что я нашла на свою задницу... – она вдруг увидела Мистера Гослина, который пялился на нее во все глаза, поперхнулась и закончила пафосно и торжественно, – ...и опыт, сын ошибок трудных. (На полях: ...и случай, бог изобретатель.)

Ну и вот. Когда я увидела ее, эту обворожительную пожилую Барби, я окончательно поверила, что у нас начинается новая счастливая жизнь. (На полях: Тьфу-тьфу-тьфу!)

#my_family #miss_pauline

Я называю Полину miss Pauline, Агнешка называет Поли-

ну Игоревну Полэ-эна. Похоже на «полено». «Полено, приходи ко мне пить наливочку». И miss Pauline отзывается, идет выпивать наливку. Всю бутылку до дна. И поет по-английски: «Dream a little dream of me». И плачет, и сморкается не в бумажный платок, а в белый, с вышивкой и прошвами.

Представляю, сколько времени Полина сидела над этими своими платками. И вышивки в уголке «ТМ», понятно же, что эти платки для того чувака парня с фотографий. Красивый дядька дяденька. И вот Полина плачет и поет по-английски: «Люби меня, дорогой, люби меня, милый». Если честно, по мне, так это отстой и слюни. Но Полине можно петь про любовь все что угодно. И нужно. Агнешка говорит ей: «Что ты, Полина, зачем ты все живешь в своей растерянной любви. Она, твоя любовь, старуха, – говорит Агнешка, – как Снегурочка, растаяла давно». И тогда Полина ей: «Пусть гибну я, любви одно мгновенье дороже мне годов тоски и слез!» И шваркает ладонью по столу, пьяненькая и лысенькая, в мою честь. Жалко ее, такую нашу, родную.

#miss_pauline_is_my_family

#мисс_полин_это_моя_семья

Когда все разошлись спать, Полина побрела домой, я прицепилась к Агнешке с вопросами. Кароч, там было так, как Полина говорила, – одно мгновенье, и получилась вся жизнь полная тоски и слез. Полина была переводчицей у серьезных

людей. Ну нормально, конечно, – у серьезных людей. Типа, есть серьезные люди, а есть клоуны вроде нас. Ну тут я не буду долго останавливаться, я этого никогда не пойму. Серьезные люди – это что? Бесят они меня. Выбешивают меня эти слова! Серьезные люди. Ну ладно, Полина влюбилась в этого Тони Матоски. И не замутила просто так, ради подарков там или что, а по-настоящему влюбилась. Тони полюбил Полину тоже, всем сердцем. Они хотели жениться даже. А Полине не разрешили... абалдеть ваще... Ей не разрешили любить этого Тони. Чужие люди не разрешили... чувствовать! Ахренеть вообще! В 1960 году! Не в Средневековье. Не в сталинское омерзительное время! Моя учительница истории Оксаночка рассказывала мне про все эти дела, но в 1960 году была уже оттепель же! (Оксаночка – Оксана Ивановна. Но она хорошая и молоденькая. Ее все за глаза называют Оксаночка.) Но Агнешка сказала, ну и что, стукачи же были живы! Они сидели в своих норах и щелях, как крысы, вши и клещи, и продолжали вести привычный образ жизни – стучать. Вот они и накатали на Полину и Тони донос, что она бывает у него в гостинице «Интурист» и, самое страшное, ходит в магазин «Каштан», где покупает еду за валюту, а еще они фотографировались на фоне военного крейсера в Одесском порту. Там еще было вот что: Полина полетела в Британию с группой чиновников, то есть серьезных людей, а Тони приехал в Лондон из своего Бата и после конференции забрал ее к себе в гости, чтобы познакомить с родителями

и подарить колечко, engagement ring, опустившись на одно колено, то есть официально в присутствии своих родственников попросить Полининой руки и сердца. Полина задержалась, конечно, и не улетела вместе со всей советской делегацией, а потом прилетела, через несколько дней. Опоздала. Она вернулась вместе с Тони. Почти уже в статусе миссис Тони Матоски. Но их встречали «серьезные люди». Мистера Матоски сразу выдворили, а Полину посадили на пять лет. За измену Родине! Я фигею! Агнешка говорит, что эти люди, ну которые накатали донос и которые посадили нашу тонкую аристократичную образованную Полину, живы и здоровы. И потом, в шестидесятых, и в семидесятых, и в восьмидесятых они, уже ветхие и совершенно отбитые бессовестные, продолжали писать доносы уже на тех, кто уезжал в Израиль, кто носил на шее спрятанный под кофтой Маген Давид, «Щит Давида». Или на тех, кто носил крестик и в храм ходил молиться, когда был Афганистан и наших пацанов забирали. А потом на тех, кто открывал свои частные фирмы, они назывались «кооперативы»... Агния сказала, что только на вшей нельзя написать донос, а люди со своими поступками и мировоззрениями всегда есть. И обязательно найдутся гниды, которые настучат. А после они селятся в понравившиеся квартиры или хапают чужой бизнес. Тех, кому испортили жизнь.

Мама дорогая, я совершенно не могу понять, как на нашей планете в двадцатом веке двум молодым людям можно

было запретить любить и быть вместе! Какие-то еерьезные люди уроды залезали в чужие жизни и запрещали Полине гладить своего Тони по бритому затылку и целовать его в макушку! И родить какого-нибудь толстячка Мистера Матоски. И за это нежное желание Полина пять лет шила робы и трусы, говорила не на английском, а на другом, общем языке с уголовницами, и пять лет слово «сеанс» в ее жизни означало не фильм в кинотеатре, а «восторг». Вот такой сеанс. (Не зачеркивайте, miss Pauline, please.)

* * *

У каждого человека есть своя музыка, напоминающая о самых красивых, самых теплых и радостных событиях в жизни. Я знаю точно, что у Полины Игоревны это «Dream a little dream».

Stars shining bright above you
Night breezes seem to whisper «I love you»
Birds singing in the sycamore tree
Dream a little dream of me

Say nighty-night and kiss me
Just hold me tight and tell me you'll miss me
While I'm alone and blue as can be
Dream a little dream of me

Полина замирает, когда слушает это «Dream a little dream of me».

Ох, господи...

#my_family

Мисс Полин заругала меня за то, что я подслушивала, как она была пьяная, и за слово «сеанс». I will not write the word «сеанс» anymore. I promise, miss Pauline. И за то, что я все такое написала про нее, но при этом она ничего не написала на полях. I beg your pardon, miss Pauline. Что примечательно, Полина не обиделась, не зачеркнула обценные слова: м...к, гнида. И вообще ничего не зачеркнула.

I love you, miss Pauline.

* * *

#enigmatic #my_family #загадочное #моя семья

Мне через год восемнадцать. Мои бабушки обещали меня научить крутить блюдце и вызывать духов. Я спросила их, а вот если их любимую Эми Уайнхаус вызвать или Теслу, например. А они – ну вот еще, не-е-ет. У них получается вызывать только разных врачей. Авиценну вызвали один раз. Только не поняли ни фига ничего. Он на персидском языке лопотал, бубнил, провозглашал торжественно, вскрики-

вал что-то важное, а потом разгневался... (Супер какое слово, да, Полинигоревна? Это из Мишкиных сказок, о!) Разгневался на непонятливых бабок, сказал что-то вроде «эй, хак бар сарам» и свинтил в астрал. Образованная Полина сказала, что это он ругнулся на языке фарси, что-то вроде «эй, земля на мою голову, какие глупые вы старухи, не понимаете всемирно известного персидского ученого!». И прям дымок от блюда пошел, так он рассердился тогда. Поэтому они в основном Боткина вызывают. Тягают его из мира иного, покоя не дают. Говорят, что у них к Боткину как к врачу – фактор доверия. (Ну чо, смайлики нельзя, Полинигоревна? Я бы тут поставила с открытым ртом, типа, га-га-га!!!) Все, что Боткин ни скажет, припарки там всякие, компрессы на тряпочках и ветошах (так и говорил им, ветоши), отвары, английскую соль, все помогает. И про наливку спрашивали, не постеснялись. Он такой с тревогой поинтересовался, а какая наливка, смородиновая аль вишневая, милостивые госпожи? Вишневая-вишневая, – успокоили милостивые госпожи.

А, ну тогда можно, коли вишневая, – отвечал Боткин и добавил, что хороша также наливочка клюквенная для суставов прогревания. А смородиновую не советовал. Крепит она.

* * *

Полина рассказывала: великий режиссер Эйзенштейн го-

ворил, что его больше всего радует и интересует то, чего на первый взгляд не бывает в этом мире. А у Антонины Пирожковой, жены, верней вдовы Исаака Бабеля, написано так: «Эйзенштейну так хотелось снять эту сцену, – сказал Бабель. – У него и раненый Степок бродит по пшеничному полю, с нимбом вокруг головы. Сергей Михайлович сам мне не раз говорил, что больше всего его пленяет то, чего нет на самом деле, – “чегонетность”. Так сильна его склонность к сказочному, нереальному».

Начала читать И. Бабеля. Полина Игоревна принесла.

#angels #my_three_kings

Домашнее задание

Can anyone prove that he saw a real angel? Does an angel really look like a weightless miserable creature with two or sometimes seven white wings on his back? I don't think so. He might look like a panda. Why not? Who knows? Eh?! Or an angel might look like Dr. Nathan, who wears his green surgical uniform and a funny colored cap with plenty of little birds. I always wanted to ask what birds he had on his hat. And when I was leaving the hospital, he came to cuddle me and to see me off. An he was without his cap. He said, come on, let you never know what kind of birds I have on my hat. And he embraced me. Eh?! I tell everyone that Nathan is my Pygmalion. And my angel. So

are dr Slava and dr Varenii Alexeyevitch.

And some more angels can look like a little boy, who was born specially to save his sister's life. And like an exhausted man Dima, my Dad, and like a beautiful woman with a strained anxious face, my mother. And like an elderly lady, Agnia, who is nobody to us and everything to us. And like a bold, ridiculous lady, who runs to smoke to the end of her garden, because her strong cigarettes' smoke is dangerous for me...

So angels are different. They have different faces, different characters, but one thing is similar – they are angels.

Miss Pauline, you told me to write the truth, didn't you?¹

И зацените мой язык. Я уже почти не сквернословлю.

¹ Кто видел настоящего ангела? Кто может доказать, что ангел выглядит как невесомое печальное существо с двумя, а то и с семью крыльями за спиной? Я, например, так не считаю. Ангел может быть веселым, толстым, милым, мягким, как панда. А? Почему бы и нет? Или как доктор Натан в своем хирургическом зеленом костюме и цветной шапочке с птичками. Я всегда хотела спросить, а какие птицы у него на шапочке. И когда я уезжала и доктор Натан пришел со мной прощаться, на нем не было его шапочки. И он сказал, а давай ты никогда уже не узнаешь, какие там птицы. Да ну их. И обнял меня. Я рассказываю всем, что доктор Натан – мой Пигмалион. И мой ангел. И доктор Слава, и доктор Варений Алексеевич – ангелы нашего Мистера Гослина. И еще ангелы могут выглядеть как маленький мальчик, который родился специально, чтобы спасти свою сестру, и как утомленный мужчина Дима, мой папа, и как красивая женщина с напряженным взволнованным лицом, моя мама. И как пожилая леди Агния, которая для нас никто, но все. И лысая, смешная дама, которая бегаёт курить в конец своего сада, потому что дым ее термоядерных сигарет без фильтра мне вреден... Ангелы разные. У них разные лица, разные характеры. Одно у них общее – они ангелы. Мисс Полина, вы велели мне писать правду, не так ли?

P. S. У доктора Натана на шапочке колибри. Я просто так завернула, чтобы вам было интересно читать, мисс Полин. И кстати, когда он пришел попрощаться, он подарил мне вишневую бандану с Веселым Роджером. Ну такое...

#читаю_бабеля

Прочла воспоминания Антонины Николаевны Пирожковой о муже. И сразу стала думать о нем как о человеке, который был жизнерадостный, любил родных и друзей, без памяти был влюблен в свою жену, писал книги и сейчас где-то живет... Ну если учитывать, что время не линейно, а объемно. Консультируются же мои бабки время от времени то с Гиппократом, то с дражайшим, таким желанным гостем доктором Боткиным... Вот и Бабель где-то есть. И Антонина Николаевна, его жена, которая ушла совсем недавно. Она – такая красавица на фотографиях! Точеное лицо аристократичное, волосы темные, густые. Бабель не мог не втрескаться в нее по уши! А она его полюбила за талант, за обаяние. Он такой ушастый, милый, круглолицый, просто супер какой классный. Такой веселый, тонкий, мудрый. И печальный очень. И чуткий. И как-то очень естественный, совсем-совсем не фальшивый. Совсем нет. Мне кажется. В его рассказах нет ни одного лишнего слова. Глаза не проскакивают и не пропускают строчки. И не спотыкаются. Я искала еще что-нибудь о нем. И нашла. Кто-то сказал об Исааке Эммануи-

ловиче то, что я о нем думала. Но не знала, как написать. Вот оно: у Бабеля абсолютное чувство стиля и неисправимая тяга к совершенству. Вот!

* * *

Он придумал новый жанр – молчание.

Даже не могу представить своим умишком, насколько это глубоко и мудро. Я уже не помню, кто это написал о Бабеле и почему. Но меня как молнией ударила эта фраза: жанр – молчание.

Почему глупые люди так болтливы и так многословны? Почему рядом с мудрым человеком молчать хорошо, комфортно, удобно, уютно? Наверное, это даже не жанр. Это целое искусство – молчание.

Пойду, помолчу.

* * *

«...смотрел на жизнь, как на луг в мае. Луг, по которому ходят женщины и кони».

Я с ума сойду, как красиво и поэтично!

* * *

Он сказал: «Надо мучительно думать».

И еще, что надо помогать цыпленку разбить скорлупу.

* * *

Бегаю с двухтомником Бабеля то к Агнии, то к Кузе и зачитываю, зачитываю отрывки или целые абзацы. Разве можно считать это просто юмором? «...И вслед за ним и другие налетчики стали стрелять в воздух, потому что, если не стрелять в воздух, можно убить человека».

Теперь, когда я что-то делаю не так и чувствую свою вину, я бормочу себе: «Стыд, мосье Тартаковский, – в какой несгораемый шкаф упрятали вы свой стыд?» И Мистер Гослин, если провинится, повторяет: «Фтыд, мофье Тартаковфкий».

Теперь у нас в доме это мем.

#one_small_step_for_me_is_a_giant_leap_for_my_family
#один_маленький_шаг_для_меня_гигантский_скачок_для_моей_семьи

Первая победа в моей новой жизни – good on me! hooray! – меня отпускают к Полине на уроки самостоятельно, без Аг-

нешки. Не бог весть куда, всего-то выйти из дому, завернуть за угол, вот уже и Полинин дом. Конечно, еще в маске. Но как же приятно пройти эту дистанцию самой. И не ощущать головокружения или слабости. Подождите, подождите, скоро мы разбогатеем как нефтепромышленники, и Дима подарит мне какие-нибудь слипоны с белой подошвой. Я буду ходить не просто шлеп-шлеп или шарк-шарк в своих сникерсах, а важно: топ-топ. Ладно, пусть подошва будет не очень высокой. А то я даже в сникерсах дылда. И еще я платье хочу. Чтобы фр-р-р-фр-р-р, легкое. Как у Полины на фотографии, чтобы красивое на ветру. Так Марина говорила, Цветаева. А вот, кстати, Полинаигоревна, мы с Мариной Ивановной еще в больнице не поладили, когда я смогла самостоятельно читать. Мы друг другу ужас как не понравились. Я о ней почитала, об отношении ее к своим детям, к чужим мужчинам и к женщинам, испугалась, перестала ей верить, отстранилась. А она вообще меня возненавидела как бездарного читателя, ничего не понимающего в настоящей литературе. И потом во всех ее стихах, в каждой ее строчке сквозила ненависть ко мне. Так мне казалось.

#my_family_and_other_cats

#моя_семья_и_другие_коты

Я очень люблю бывать у Полины. Мне кажется, что ей тоже нравится, когда я валяюсь у нее на старой кушетке в ма-

ленькой комнате и читаю. На английском или на русском, или на украинском. Кормить меня нельзя. Но чай у Полины я пью. И мы разговариваем. Обе такие плешивенькие, веселые и крутые подружки. Сначала мы беседуем на английском, чинно, благообразно (это Полинино слово), потом начинаем спорить про разное, например про Бродского, ругаемся и переходим на русский. Полина Бродского любит, а я не понимаю. Нет, я на самом деле не понимаю, зачем надо так заворачивать, чтобы описать чувства или события, или отношения. Я очень неискушенный читатель, но мне бы хотелось, чтобы в стихах была магия, волшебство, чтобы они трогали меня как музыка... А в стихах Бродского – Шнитке... ни одного, ни второго я пока не понимаю. Полина соглашается, да, пока не понимаю. Ну и заканчиваем мы с Полиной опять на английском.

У miss Pauline живут кошка, кот и котенок. Когда эти хвостуны с озабоченным видом несут куда-то вещи в зубах, причем не еду, а карандаш, салфетку или елочную игрушку, трусят деловито и насуплено кто куда, Дима говорит, что они напоминают ему чиновников в присутственном месте, где он оформлял на меня «жалистные», как говорит Кузя, бумажки. Все эти клерки с такими же озабоченными лицами, как у Полининых котов, трусят по коридору и что-то куда-то несут, наклонив корпус по направлению к тому месту, куда несут. А потом бегут обратно, испуганно натыкаясь на Диминову физиономию, на которой все написано, все: неуваже-

ние, презрение, знание о том, что эти люди лишние. Везде. И если вдруг случится так, что закроют это раздутое во все стороны присутственное место, эти люди останутся без работы, потому что делать ничего не умеют. Только носить что-то туда-сюда, как Полинины коты.

Так вот, про котов. Они воспитанные и, когда я прихожу к Полине заниматься английским, ведут себя деликатно. Особенно мне нравится котенок. Мой учитель физики Пауль Францевич говорит, что интеллект кошки определяется так: нужно взять кошку на руки и поднести ее к зеркалу. Если кошка видит свое отражение и реагирует на него, значит, она умная. Котенок мисс Полин – это Склодовская-Кюри. Она не просто видит свое отражение, она понимает, что это ее отражение. Она рассматривает себя в зеркале, слюнявит лапу и яростно моет нос – что ж я такая неопрятная! – тщательно приглаживает уши, как девица, поправляет прическу, а потом лобуетя и так и эдак. И в фас, и в профиль. Полинины коты не попрошайничают, они наоборот – воротят морды, перебирают. Мне бы их еду. Она такая красивая, выглядит аппетитно.

В понедельник и четверг я прихожу заниматься английским к часу дня. В понедельник коты носятся, лезут ко мне на колени, играют, катают мячики из фольги. А в четверг – спят. Кошка, кот и котенок Склодовская сваливаются в кучу вместе и так в обнимку спят. Я спросила как-то miss Pauline, почему они так крепко спят днем именно по четвергам и

можно ли разбудить Склодовскую и с ней поиграть. Полина сказала, что нет. Что коты отсыпаются. Они набираются сил. Они ждут Валика. Нового ученика Полины Игоревны. Валик ненавидит кошек. И очень их боится. Но старается этого не показывать. Wow! Я составила вежливую фразу на английском типа «мисс Полин, разрешите мне остаться у вас после моего урока и посмотреть альбомы. И я бы хотела посмотреть на Валика». И Полина позвонила Агнешке, что я еще побуду у нее, потому что к ней сейчас придет ученик Валик, который боится кошек. Увидишь, – сказала Полина, – сейчас коты начнут разминаться.

#homework #домашнее_задание

Домашнее задание

История про Валика, который боится кошек

Звонок в дверь. Полина идет открывать, кошки повскакивали, переглядываются, мол, ура! вот и Валик пришел, мальчик лет пятнадцати, сейчас что будет! Побежали в прихожую, обступили. Он вошел такой аккуратненький, ногами переступает как аист. Коты за ним, на лапы друг другу наступают, толкаются, мол, Валик, Валик пришел, чо щас будет.

Валик проходит в комнату, кладет куртку в кресло, садится, раскладывает свои тетрадки и всякие распечатки с тестами. А я в соседней комнате и в открытую дверь подглядываю. Ну и начинается аттракцион. Валик жалобно ябедничает:

– Полина Игоревна, она трогает меня. Она трогает лапой...

Полина:

– Кошка! Не трогай его лапой!

Кошка усаживается Валику на ногу и делает покерфейс: «Кого я трогаю? Подумаешь, очень надо кого-то трогать. Этот дом мой. Этот мир мой. Эта женщина моя. Все тут мое. И эта нога тоже будет моя».

Валик:

– Она села мне на ногу!

Полина смотрит под стол:

– Брысь!

Кошка не уходит. Сидит под столом на ноге Валика и светит глазами:

– Ага. Щас!

– Лиза, – зовет меня Полина, – забери всех котов в другую комнату!

Я прихожу, говорю «здрась», Валик покрывается красными пятнами. Я забираю кошку и кота в маленькую комнату. Но тут вступает тяжелая артиллерия. Котенок Склодовская-Кюри.

– Она села на мою куртку! – взвизгивает Валик.

– Лиза! – зовет Полина.

Я беру Скловдовскую под брюшко, Скловдовская крепко держит в лапах куртку Валика: давай, Лиза, это тоже возьмем, тут бомбошки прикольные, поиграем с тобой. Я отдираю куртку Валика от Скловдовской-Кюри, куртку – на вешалку, уношу котенка в маленькую комнату, но оттуда, пользуясь случаем, выдирается на волю кот и несется к ногам Валика, хватает того за штанину, тянет лапы к коленям: мол, возьми меня на ручки, добрый мальчик, я что, даром ждал тебя полдня. Валик сучит ногами и задирает их на стул. Садится, как орел на скале. Полина тяжело вздыхает, встает, берет хулигана, уносит на кухню, закрывает двери, совершенно недооценивая способности своего кота.

Минут десять тихо. Подозрительно тихо. Наверное, кот нашел еду и ест. Он прожорливый. Я стою на цыпочках и подглядываю, у Полины старые добротные австрийские двери с резным стеклом наверху, мне все видно, я ж длинная.

– Как этот звук произносится, – Полина спрашивает Валика и указывает кончиком остро отточенного карандаша в учебнике.

– Уай, – Валик.

– Уа-а-ай! – раздается из-за кухонной двери.

– А этот? – Полина.

– Эй, – Валик.

– Э-э-эй! – из кухни.

Оттуда же слышны ритмичные звуки: «Бум-м-м! Бум-м-

м!»

Кот разгоняется, чтобы вспрыгнуть на ручку двери и зацепиться за нее двумя передними лапами, держась за ту же ручку нижними. Наконец ему это удается. Ручка двери вроде бы сама собой опускается вниз, дверь открывается медленно, широко, со скрипом, в комнату на дверной ручке вползает кот. На его кавальной сладкой морде ухмылка: «Ну-у? Как вы тут без меня? Не скучали?»

Кошка и котенок в моей комнате сидят под закрытой дверью и нюнят:

– Мы тоже хотим! Пус-с-сти-и нас к Уа-а-алику, пусти-и-и...

Кот – шлеп! – спрыгивает на пол и потирает лапы:

– О! Валик! – память у котов короткая. – Валик пришел!

Полина обреченно вздыхает, опять встает и тащит сопротивляющегося кота на кухню. Из кухни опять: «Бум! Бум!»
Ну жесть вообще!

Так проходит час. Валик надевает куртку, застегивается. Старательно задирая ноги, как цапля, хотя все коты заблокированы в разных помещениях, идет к двери. Прощается. Надевает шапочку и перчатки. Уходит. И все время, глядя, как он торопливо покидает ее дом, Полина думает, что на следующий урок Валик точно уже не придет, но Валик упорно приходит, делает успехи в английском, а коты с каждым его приходом наглеют все больше и больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.